

Громыко Ал.А.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

«Война между государствами — великое зло»

Рассказывая об Андрее Андреевиче Громыко, министре иностранных дел СССР с 1957 по 1985 г., обычно обращаются к той части его биографии, которая началась в 1939 г., когда он поступил на работу в Народный комиссариат иностранных дел. Действительно, то была яркая и стремительная карьера молодого человека, который в 1934 г., в возрасте 25 лет, впервые в своей жизни оказался в Москве, куда с семьей переехал из Минска. Уже через пять лет он направляется в советское посольство в Вашингтоне в ранге советника. И спустя неполные четыре года, в 1943 г., становится послом СССР в США, заменив на этом посту М.М. Литвинова. По существу, он оказался в одном из главных нервных узлов мировой политики, где, наравне с Москвой и Лондоном, принимались судьбоносные решения, касавшиеся ведения войны, открытия Второго фронта, создания Организации Объединенных Наций, послевоенного мироустройства.

Приезд Громыко в американскую столицу произошел в ноябре 1939 г., т.е. уже после начала Второй мировой, но задолго до окончания «странной войны» в мае 1940 г. и за полтора года до того, как разразилась Великая Отечественная. Эти эпохальные события меняли судьбы сотен миллионов людей, заставляли их мобилизовать все свои внутренние ресурсы, чтобы выжить в нещадном водовороте событий. Работа А.А. Громыко в США в экстремально напряженных условиях, под надзором одного из самых могущественных людей того времени - И.В. Сталина и в теснейшем контакте с другим - Ф.Д. Рузвельтом, выявила его исключительные способности и качества. Он же, в свою очередь, получив уникальный опыт в выпавших на его долю обстоятельствах, обрел знания и закалку, предопределившие его дальнейшие достижения в дипломатии.

Хотелось бы отметить одну особенность первой половины жизни А.А. Громыко, которая до сих пор мало оценивалась. Действительно, он «отдал Отчизне полвека», как начертано на памятнике Андрея Андреевича на Новодевичьем кладбище, имея в виду период с 1939 г. до 1988 г., т.е. до выхода на пенсию

Громыко Алексей Анатольевич - член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, председатель Ассоциации внешнеполитических исследований им. А.А. Громыко.

с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР. С одной стороны, человек проработал эти 50 лет в сердцевине Советского государства, но одновременно долгое время не был системным его представителем.

Имеется в виду следующее. До 1939 г. Громыко не помышлял о государственной службе, был молодым талантливым ученым, работал в Институте экономики Академии наук СССР, в котором в 1936 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике. Поступив на работу в НКВД, он в тот же год уехал в Соединенные Штаты, где оставался, за исключением многочисленных, но краткосрочных командировок, до 1948 г. Затем в 1952-1953 гг. служил послом в Лондоне. Другими словами, Андрей Андреевич, став дипломатом, в общей сложности прожил в Москве до смерти Сталина считанные годы, а всё остальное время продвигал государственные интересы за рубежом. В результате атмосфера, царившая в столице в органах власти, драматические переплетения человеческих отношений и судеб затрагивали его в основном косвенно. Несмотря на молодость и пристальное отношение к себе сурового руководства страны, он уже тогда проявил завидные черты своего характера. Так, документы демонстрируют, что Громыко в ответ на критические послания в свой адрес А.Я. Вышинского или В.М. Молотова, когда он считал критику несправедливой, прямо и не боясь отстаивал свое мнение.

Став министром иностранных дел в 1957 г. и особенно после избрания первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежнева в 1964 г., Громыко сделал многое, чтобы оградить советскую дипломатию от чрезмерного влияния идеологии, делал упор в работе с иностранными партнерами на реализм, прагматизм и выработку взаимоприемлемых компромиссов. С максимальной силой это проявилось с 1973 г., когда он стал членом Политбюро. По большому кругу вопросов, в первую очередь относящихся к капиталистическим странам, Громыко в меру сил минимизировал влияние на внешнюю политику аппарата ЦК.

И всё же, вступив на путь государственной службы только в 1939 г., он к тому времени уже был взрослым и сложившимся 30-летним человеком, много повидавшим. Ответственность он нес и за свою семью: в московскую аспирантуру из Минска он перебрался в 1934 г. вместе с Лидией Дмитриевной, моей бабушкой, и сыном Анатолием, моим отцом. Через четыре года родилась дочь Эмилия, моя тетья. Но как до этого формировался его внутренний мир, интересы и пристрастия? Какие ценности и представления впитал он с детства? Тем более что Громыко обладал удивительной памятью и яркие воспоминания о первых годах своей жизни, отрочестве и юности всегда сопровождали его.

Два слова о его памяти. Об этом много рассказано членами семьи и теми, кто работал с ним. Сам он свое отношение к этому феномену излагал с помощью следующего примера из истории Древней Греции. Философ Демокрит прожил более 100 лет. На закате дней он вдруг лишил себя зрения. - Зачем ты это сделал? - спросили его. Мудрец ответил: - Чтобы лучше видеть.

Один из эпизодов на эту тему из жизни самого Андрея Андреевича. В далеком детстве на него большое впечатление произвела книга «Живописная

астрономия» французского ученого Камила Фламариона. В издании, которое он ребенком раздобыл, под первым рисунком стояла подпись: «Земля наша несется на крыльях времени, стремясь к неведомой цели...». С тех пор и до начала 1980-х гг. эта работа ему больше не встречалась. Через 65 лет, на его запрос, сотрудники Ленинской библиотеки заинтересовались, а какое именно издание этого произведения он ищет. Громыко по памяти воспроизвел приведенную фразу, и книгу нашли.

Чтение и любовь к нему сыграли в жизни Андрея Андреевича огромную роль. Чтобы достать интересующие его книги, для него было обычным делом преодолеть расстояние и в 30, и в 40 километров. За книгами он ходил в соседние деревни, села, в центр волости. По его словам, он «глотал книги». Это были, например, произведение немецкого ученого Вильгельма Бёльпе «Любовь к природе», работы историка М.Н. Покровского, рассказы о путешествиях Джеймса Кука, произведения Пушкина, Гончарова, Тургенева, Гоголя. Громыко вспоминал, что мог цитировать отдельные страницы книг.

Особое впечатление произвели на него «Одиссея» в переводе Жуковского и «Илиада» в переводе Гнедича. Гомер помог ему полюбить живопись. Так, одной из любимых его картин стало полотно Жака Давида «Прощание Гектора и Андромахи», которое находится в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве. Он считал эту картину воплощением силы любви и силы мужества. Многим позже настольной книгой в жизни Андрея Андреевича станет «Фауст» Гёте. Помню это хорошо сам. Как-то в первой половине 1980-х гг., когда я вместе с дедом отдыхал в Крыму, зашел к нему в пляжный домик. Там на столе лежал «Фауст». Я полубопытствовал и раскрыл книгу: внутри она была полна пометками. Кстати, «Фауст» сподвиг самого Громыко на занятие стихосложением, пусть и не надолго. Этот секрет он впервые поведал читателю в своей книге воспоминаний «Памятное».

Но откуда такая тяга к чтению? Уверен, что дело было во влиянии староверческой среды, в которой прошло его детство, а в родной деревне Старые Громыки он прожил без малого первые 15 лет своей жизни. Ближайшим районным центром был городок Ветка. Он и стал после раскола русской православной церкви в середине XVII века одним из крупных поселений тех верующих, кто не принял реформы патриарха Никона. Гонения на Ветку происходили и при императрице Анне Иоанновне, и при Екатерине II. Именно в Ветке Емельян Пугачёв был наречен Петром III.

Чтение было своего рода культом у староверов помимо этики труда и равнодушие к алкоголю. Люди также бережно относились к своей устной речи. Андрей Андреевич вспоминал о своем деде Матвее: «Человек от природы сдержанный, он обладал глубоким внутренним тактом. Не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь он по-настоящему выругался». Таким стал и сам Громыко. Нет ни одного воспоминания о нем, в котором кто-то вспомнил об услышанном от него крепком слове. То, что реально считалось выволочкой от Громыко, это такие ругательства, как «странный вы человек», «шляпа» или «тюфяк». Не удивительно, что Ветка была знаменита своими книгарями - так

называли в тех краях создателей книг. Хорошо читать и писать умели и отец деда Андрей Матвеевич, и Ольга Евгеньевна, его мать. В деревне ее так и называли: «тетя Оля-профессор».

Что касается нелегкого физического труда, то Андрей Андреевич общался к нему в возрасте 7-8 лет. Трудился в основном в поле вместе с отцом и матерью. В конце жизни он поблагодарит те сложные обстоятельства детства, которые формировали его характер. Староверами и их судьбой он будет интересоваться всю жизнь. Вспоминаю, как в середине 1980-х гг. дед с большим увлечением читал статьи в советской печати и делился с членами семьи своими впечатлениями о жизни староверов, поселения которых были тогда обнаружены в глухих таежных лесах.

Два слова о фамилии Громыко¹. В среде, в которой жил Андрей Андреевич, она почти не употреблялась, ведь ее носили все жители деревни. И не только в Старых Громыках, но и в Новых, а также в селе Потёсы. Называли же семьи по прозвищам, чтобы различать друг друга. У семьи деда прозвище было Бурмаковы. А фамилия произошла от фамилии воеводы Громыко. Кто воевал под его командованием, тот и брал эту фамилию - распространённая практика старопамятных времён.

Так на обоих берегах реки Беседь и образовались две деревни - Старые и Новые Громыки. Дед родился и жил в первой. То были места, где русская и белорусская речь были перемешаны. Жители тех мест принадлежали к Славянам-радимичам. В «Памятном» он вспоминает об известном белорусском танце с песней «Лявониha» и приводит ее начало именно на белорусском языке: «А Лявошху Лявон палюбiу, Лявотсе чаравiчю кушу». Уже в другую эпоху под началом Богдана Хмельницкого служил полковник Михайло Громыко. Гетман направил Михайло в Корсунь для привлечения на свою сторону новых людей. Там в 1649 г. полковник и погиб. Его сын Василий Громыко позже ездил посланцем Богдана Хмельницкого в Москву.

С детства другой страстью Андрея Андреевича была история. Важно, что для него она всегда была историей живой, которую он постоянно примерял на себе и на своем времени. В «Памятное» он рассказывает о своем посещении знаменитой деревушки Лесная между Могилевым и Славгородом. Там в 1708 г. Меньшиков разбил резервную армию Карла XII. Дед описывает и огромный интерес, с которым он и его сверстники пытались разгадать тайну древних курганов на околицах Старых Громык.

Своей малой родиной Андрей Андреевич называл «поселения, леса, луга, поля, которые раскинулись между верховьями Днепра и Десны, в бассейне Сожа, у речки Беседь. Он писал: «Всё, что окружало Старые Громыки, я обо-жал...». Другая цитата: «Первое сильное чувство, пробудившееся во мне, - чувство любви к родным местам, к дому, в котором родился». А то был дом на окраине деревни из двух комнат, в каждой из которых жило по одной семье.

В воспоминаниях Громыко большая роль отводилась Гомелю, он называл его «городом моего детства» и считал на основе новых археологических от-

¹ В белорусском языке фамилия Громыко пишется через «а».

крытий, что он возник не в 1142 г. согласно летописи как Гомий, а намного раньше, в IX-X вв. Среди прочего Гомель запомнился ему спичечной фабрикой «Везувий», которая произвела на него в детстве большое впечатление. Много лет спустя, в 1939 г., образ этой фабрики вернется к Громыко, когда вместе с К.А. Уманским, в то время советским послом в США, он на итальянском корабле «Рекс» будет переплывать Атлантику из Генуи с заходом в порт Неаполя и посещением Помпеи.

С детства Андрей Андреевич возненавидел войну, что ярко отразилось на всей его государственной деятельности. Тяжелыми ранними воспоминаниями Громыко стали бесчинства немцев на Гомельщине в 1918 г. Его дед Матвей чудом не был убит, когда пытался помешать немцам угнать с их двора единственную корову. После этого дети в семье своего молока больше не пили. Позже Громыко вспоминал: «Уже тогда в моем сознании запала мысль, что война между государствами - великое зло...». Его отец, Андрей Матвеевич, воевал дважды - в Русско-японскую войну и в Первую мировую в одной из армий Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова, где был ранен. Умер он в 1933 г. в возрасте 57 лет. Мать Ольга Евгеньевна в 1941 г. оказалась на оккупированной территории, позже была вывезена и скончалась в Москве в 1948 г. Мой дед смог вернуться в советскую столицу из США за две недели до ее смерти; мать и сын успели увидеть друг друга.

В Великую Отечественную войну погибли два младших брата Андрея Громыко - Фёдор и Алексей. В честь последнего был назван автор этой статьи. Были убиты двое братьев отца Андрея Андреевича. У его жены Лидии Дмитриевны, моей бабушки, погиб единственный брат Аркадий. Не могу в связи с этим не вспомнить о том, что в 1944 г. немцы при отступлении из Белоруссии расстреляли прабабушку моей жены Виктории, когда грабили село под Слуцком. Причем сделали это на глазах у ее детей.

Вся последующая деятельность А.А. Громыко на государственных постах зиждилась на двух постулатах: не допустить ничего, что предало бы память колоссального количества жертв советского народа, и сделать всё, чтобы предотвратить новую большую войну. Отсюда и его знаменитая максима: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны».

Впечатления и воспоминания о детстве и юности, пережитые тогда эмоции, как и интеллектуальное становление, пример старших членов семьи, традиции и нравы жителей тех мест стали фундаментом жизни Андрея Андреевича Громыко, сформировали его как личность, человека принципов, железной внутренней дисциплины, высоких идеалов и здравого смысла.